

Глава 2

ЗАВИДОВСКИЙ ЗАПОВЕДНИК

На выходные родители регулярно вывозили меня на дачу. На те самые прославленные шесть соток в ближайшем пригороде, полученные ими от комбината «Химволокно», на котором работали, в год моего рождения. Родители постоянно загружали меня какими-то сельскохозяйственными работами: похоронами картошки на майские праздники или археологическими раскопками ее останков в конце августа, прополкой сорняков на грядках и сбором урожая. Иногда мы с отцом делали скворечники или клетки для кроликов. Но самым увлекательным занятием, разумеется, была очередная реконструкция нашего садового домика (три на пять метров), которую отец проводил с завидной регулярностью. То пристраивая небольшую терраску, то строя мансардную крышу.

Во время строительства отец подробно объяснял мне, почему для дома так важен крепкий фундамент, а для стоек — укосины. Он рассказывал, чем разные породы древесины отличаются друг от друга. И какие доски можно использовать для несущих конструкций, а какие — только для подрешетки. Оказывается, нет ненужных досок, как и людей. Все они могут принести

пользу. Ведь даже отходы пиломатериалов можно использовать для того, чтобы развести костер, согреться рядом с ним или приготовить на нем пищу.

А еще помню, как отец показал мне годовичные кольца на спиле дерева. Оказывается, на северной стороне у него не только более грубая кора, часто покрытая мхом, но и ширина годовичных колец гораздо меньше, чем на южной стороне. И древесина с северной стороны тверже, чем с южной. Поэтому дерево и вырастает таким большим, что умеет вмещать в себе твердость и гибкость. Так и человек должен уметь быть твердым на пути к своей цели. И гибким, если упрется лбом в стену. Потому что не всегда стоит биться лбом в закрытые двери. Иногда бывает лучше посмотреть по сторонам: нет ли рядом открытого окна?

Каждое лето родители отправляли меня в деревню к родственникам. В Завидовский заповедник. И тогда я чувствовал себя настоящим декабристом, без вины виноватым, сосланным в далекую сибирскую ссылку без права на помилование. И без малейшей надежды на условно-досрочное возвращение домой.

Правда, скучно мне в деревне не было. Мы часто ездили с моим старшим двоюродным братом Володей на рыбалку. На ближайший пруд. В молодости Володя был хорошим спортсменом, бегуном на длинные дистанции. В восемнадцать лет он неудачно нырнул с берега в реку и сломал позвоночник. Но не сломался сам. Володя разработал для себя специальные упраж-

нения. Ежедневно изнурял себя тренировками. И уже через несколько месяцев начал ходить на костылях. И даже пробовал ходить без них. Женился. А вскоре жена его бросила. И тогда Володя стал делать вещи, совершенно мне непонятные. Резать вены. Экспериментировать с дозами лекарств, пытаюсь угадать, сколько нужно выпить за раз таблеток, чтобы не проснуться. Начал придумывать что-то уж совсем экзотическое. И после этого ходить он уже не смог. Даже на костылях. Всю оставшуюся жизнь провел в инвалидном кресле-коляске.

Я укладывал специальные доски на крыльцо и помогал ему спуститься по ним на кресле-коляске. Внизу Володя пересаживался в коляску с велосипедным приводом. Мы забирали удочки и уезжали рыбачить. Это было не очень трудно. Гораздо труднее было возвращаться и поднимать Володю в коляске по наклонным доскам на крыльцо. В десять лет сил для этого мне явно не хватало. Но я как-то справлялся. Ведь если бы я не справлялся, то Володя не ездил бы на рыбалку, а сидел целыми днями дома. Это было бы неправильно.

Главной моей обязанностью в летней ссылке было пасти деревенских коров и овец. Деревня была маленькая, домов на пятнадцать, не более. Жилых домов — семь или восемь. Пастуха в деревне не было, так что коров и овец мы пасли по очереди. И раз в неделю этой чести — быть главным в небольшом рогатом деревенском стаде — достаивался я. Зачем

были нужны овцы на планете Земля, я в то время не понимал. О шкурах и мясе я, конечно же, знал, но все это было как-то совершенно абстрактно. Хотя как стригли овец, видел не раз.

Но зато я прекрасно понимал, для чего нужны коровы. Коровы были нужны для того, чтобы в кладовой ежедневно появлялись новые трехлитровые банки парного молока с толстым, почти на четверть емкости, слоем густых сливок. По соседству стояли такие же банки с простоквашей. Рядом из небольшого марлевого мешка в таз стекала молочная сыворотка. А в мешке был вкуснящий свежий творог.

Коровы были нужны для того, чтобы дарить детям радость! И капельку счастья. Потому что литровая кружка парного молока с краюхой белого хлеба да тарелка свежего творога, присыпанного сахарным песком, — это было настоящее счастье! В десять лет.

Пасти деревенских коров и овец было нетрудно. Нужно было лишь целый день провести на ногах, бегая за бестолковыми овцами, которые постоянно пытались залезть в какие-то кусты. И за коровами, так и норовившими забрести в ближайшее болото. С учетом того, что в Завидовском заповеднике всегда водилось множество волков, наше маленькое, но неугомное стадо нужно было не только пасти, но и защищать. Для этого поначалу я носил с собой ивовый прутик. Мысленно представляя, как буду делать этим прутиком «а-та-та» волкам, которые попытаются обидеть моих бедных овечек или добрых коровок.

По мере взросления я заменил этот прутик на большой березовый дрын. Понимая, что добрым словом волкам можно попытаться многое объяснить, но с помощью большого березового дрына проще сделать так, чтобы они меня лучше поняли.

Возможно, летом волкам хватало корма и без моего стада. А возможно, грозный вид десятилетнего гнома с березовым дрыном в руках казался волчьей стае настолько смешным, что она хохотала на весь лес. И обходила юного пастуха стороной. Ведь все знают, что когда тебе смешно, то не так голодно.

Как бы то ни было, я успешно веселил волков, пас и охранял коров и овец. А по вечерам коровы дарили мне молочную и творожную радость. Это было правильно.

Иногда меня отправляли ворошить сено. Но больше всего мне нравилось ходить с дядей Вале́й в питомник, чтобы ухаживать за саженцами молодых сосен, которые он потом высаживал на делянках вместо спиленных деревьев. Дядя Валя́ был лесником. А на войне был войсковым разведчиком, командиром разведотделения в кавалерийском корпусе Доватора. После тяжелого ранения стал механиком-водителем танка Т-34. Прошел всю войну, с октября 1941 года по май 1945-го.

Тогда мне казалось странным, что дядя Валя́ разговаривает с каждым деревом, словно с живым человеком. И только многие годы спустя я понял, что все эти деревья он высаживал в память о своих погибших

товарищах. А потому каждое дерево было для него живым.

Именно он научил меня не бояться заблудиться в лесу. Находить подножный корм и выживать. Использовать подорожник, лопух и листья мать-и-мачехи при незначительных порезах, а сухой мох — при сильных кровотечениях. Приучил к долгим походам. Научил наблюдать за животными и любить жизнь.

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, в деревню на пару дней приехала моя двоюродная сестра с мужем. Ее муж был настоящим офицером, майором, командиром автомобильного батальона в Центральной группе войск. И однажды у меня даже получилось поговорить с ним. Разумеется, на его вопрос, кем я мечтаю стать, я не мог ответить «врачом». Вы бы что ответили на моем месте? Конечно же, военным!

Когда он узнал, как я учусь, как бегаю и сколько раз подтягиваюсь (на всякий случай я немного преувеличил свои физические способности), то сказал, что для поступления в военное училище этого будет маловато. Что мне нужно подтянуть учебу и обязательно научиться бегать.

Легко сказать — подтянуть и научиться! А вот как это сделать, он почему-то не сказал. Видимо, подразумевая, что на некоторые вопросы я должен найти ответы сам.

Вот так проходила моя ежелетняя ссылка в деревню. Там было много приключений — хороших

и разных. Но главное, за эти летние месяцы я получал уроки, которые оказались очень важными для меня в дальнейшем. Хотя в то время я о них, конечно же, не задумывался.

Во-первых, что для укрепления здоровья, как и для строительства дома, нужен хороший фундамент — чистый воздух и натуральные продукты, которые в виде подножного корма лучше добывать самому, собирая грибы, ягоды, орехи и т. д. И следует правильно использовать «строительные материалы», учитывая их свойства, в том числе гибкость и твердость.

Во-вторых, нужно много путешествовать, насколько хватит сил, — в лесу, парке, по планете. Или по книжным страницам, когда передвигаться на ногах ты не можешь. Но путешествовать не просто так. А для того, чтобы узнавать что-то новое и интересное.

В-третьих, помогая Володе подниматься на коляске по доскам на крыльцо, я сделал маленькое открытие: когда ты помогаешь другим, то становишься сильнее, чем есть на самом деле.

Четвертый урок оказался для меня немного неожиданным. То, что мой старший двоюродный брат, сильный и мужественный человек, после тяжелой травмы смог за очень короткий промежуток времени «встать» на костыли. И сломался буквально в полшаге от того, чтобы начать ходить снова, — уже без костылей. Это как-то не укладывалось у меня в голове.

А в-пятых, я был уверен, что со мной такое никогда не случится. Я никогда не буду нырять в незнакомом

месте. Никогда не сломаю позвоночник. И никогда не окажусь в инвалидном кресле.

Кроме этих уроков, остались от того времени мои многокилометровые прогулки по лесу, мои пастушьи бега и березовый дрын, которым я веселил и распугивал все местные волчьи стаи. А если верить нашим ученым, которые говорят, что количество переходит в качество, все это должно было помочь мне в будущем. Но уверенности в этом у меня не было.